

С.В.Кулик

ДОБРОВОЛЬНОЕ И ВЫНУЖДЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГРАЖДАН НАШЕЙ СТРАНЫ С НАЦИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ

После окончания Великой Отечественной войны люди, проживавшие на временно оккупированной врагом территории, были вынуждены на вопрос анкеты о наличии такого порочащего биографию факта, отвечать положительно. Далеко не все из них смогли оказаться в партизанских отрядах. При этом следует признать, абсолютное большинство из них уголовному преследованию не подвергалось. Следовательно, представители советских властных структур осознавали, что иной возможности выжить у этих граждан не было. Однако некоторые из них пошли на активное сотрудничество с врагом. Они занимали различные должности в коллаборационистских структурах, становились старостами и полицейскими. Советское Сопrotивление заслуженно считало их врагами и вело с ними беспощадную борьбу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацистский оккупационный режим, коллаборационизм, старосты, полицейские, партизанские движение

После окончания Великой Отечественной войны люди, проживавшие на временно оккупированной врагом территории, были вынуждены на вопрос анкеты о наличии такого порочащего биографию факта, отвечать положительно. Далеко не все из них смогли оказаться в партизанских отрядах. При этом следует признать, абсолютное большинство наших сограждан уголовному преследованию не подвергалось. Следовательно, представители советских властных структур осознавали, что иной возможности выжить у этих людей, как работать на оккупантов не было. Они, таким образом, спасались от голодной смерти, спасали от гибели своих родных и близких.

Следует особо отметить, что до распада СССР о партизанском движении во время Великой Отечественной войны писали довольно много. Свои труды этому посвящали как бывшие народные мстители, руководители партизанского движения, так и профессиональные историки: П.Р.Шевердалкин [1], И.В.Виноградов [2], К.Д.Карицкий [3], А.Н.Асмолов [4] и И.И.Сергунин [5]. Особое внимание заслуживает фундаментальное исследование Юрия Павловича Петрова, посвященное партизанскому движению на территории Ленинградской области [6]. Однако все эти авторы практически не затрагивали вопросы, связанные с участием наших граждан в созданных гитлеровцами структурах так называемой «новой русской администрации».

Понятно, что сотрудничать с противником-оккупантом можно по-разному. Среди лиц, искренне ненавидевших Советскую власть, которые пострадали от неё (раскулаченные, так называемые «бывшие», уголовники), встречались просто малодушные и обыкновенные приспособленцы. Многие наши сограждане в 1941 году испытали реальный шок от того, что советская военная доктрина 30-х годов «Малой кровью — могучим ударом! Мы будем воевать только на территории противника!» оказалась полностью несостоятельной.

Гитлеровские оккупанты со своей расовой теорией заигрывали с представителями национальных меньшинств, особенно западных. Так эстонцы, латыши, финны рассматривались по сравнению со славянами как потенциально союзное, «дружеское» население. Особое привилегированное место занимали фольксдойчи — люди, которые смогли доказать свои немецкие корни, свою немецкую кровь.

Оккупанты отказались от административного деления, существовавшего до войны. При этом все их действия были направлены на максимальное использование экономического потенциала захваченных территорий, при безусловном закабалении граждан нашей страны [7, л. 35].

Опираясь на своих пособников, работавших в аппарате оккупационной администрации, гитлеровцы поставили цель привлечь местное население к осуществлению своих политических, экономических и военных мероприятий. Это могла быть работа в сельском хозяйстве, на производстве или в какой-либо структуре, в которой были заинтересованы как тыловые службы Вермахта, так и Абвер. В противном случае гражданам нашей страны грозила смерть от голода или репрессивных акций гитлеровцев или их вооруженных пособников.

Немецкое командование отказалось от названий советской административной реформы, которая прошла в СССР в начале 30-х годов. Использовались понятия, принятые в дореволюционной России. Так, во главе деревни стоял сельский староста. Ему подчинялись несколько человек. Обычно это был его заместитель, писарь и несколько полицейских. Оккупанты считали, что это наиболее оптимальная структура, позволяющая им максимально собирать налоги, бороться с любыми проявлениями недовольства, а также контролировать политическую ситуацию.

Здесь весьма успешно сочеталась политика «кнута и пряника». С одной стороны часть награбленного имущества коллаборационисты низшего звена могли оставлять себе. Однако даже за подозрение в контактах с представителями движения Сопrotивления их жестоко наказывали, вплоть до физического уничтожения. По мнению гитлеровцев это способствовало успешному проведению различных мероприятий со стороны немецких властей [7, л. 35об.].

Сельский староста обычно избирался на сельском сходе по рекомендации гитлеровских властей. Это хорошо показано в немецкой еженедельной военной кинохронике. Там мы видим немецких солдат, стоящих рядом со своим ставленником, большое знамя со свастикой и нацистское приветствие «нового русского хозяина деревни».

Таким образом, эти старосты фактически не избирались, а назначались. Как писали представители советского Сопротивления: «На сходе никто не может встать против немецкого ставленника, а из честных советских граждан никто добровольно не захочет быть старостой» [7, л. 35об.].

К положительным признакам представителей «новой русской администрации», на которые немецкие захватчики обращали внимание, относилось минимальное знание немецкого языка, бравый вид, умение приветствовать поднятием руки или просто удобная для произношения русская фамилия.

Нравилось им и традиционные русские «хлеб-соль». Фотографии последнего действия регулярно публиковались на страницах русскоязычной коллаборационистской прессы.

Старосты находились в особой группе риска. С одной стороны они были вынуждены строго выполнять все распоряжения немецких властей, с другой — становились первыми объектами для уничтожения со стороны советских партизан и подпольщиков. О многочисленных фактах возмездия народные мстители регулярно сообщали в Москву и Ленинград. При этом нужно признать, что многие старосты, особенно после коренного перелома в Великой Отечественной войне, под воздействием земляков-партизан, испытав на себе все реалии нацистского оккупационного режима, весьма часто становились добровольными помощниками советских партизан и подпольщиков.

Положение на оккупированной территории нашей страны подробно анализировалось в Москве. Так, 19 октября 1941 года заместитель начальника Политического Управления Западного фронта бригадный комиссар Ганенко доложил Начальнику Главного Политического Управления РККА армейскому комиссару 1 ранга Л.З.Мехлису «О работе отдела по партийно-политической работе среди населения и войск Красной армии, действующих на территории, занятой противником». Из него следовало: «Партизанские отряды проводят большую работу по ликвидации фашистских ставленников. Так, например, староста деревни Ляхово Локнянского района совместно с единоличником и при помощи немецких солдат разграбили партизанскую продовольственную базу.

На другой день, когда немцы уехали из деревни, партизанский отряд потребовал вернуть всё, что было забрано с базы. Староста сбежал, но был пойман партизанами и расстрелян.

В деревне Шашково Руднянского района фашистами был посажен старостой некий Шейко, который выдавал немцам партийных и советских работников. Партизанский отряд расстрелял Шейко и его семью.

В деревне Приволье партизанами уничтожены предатели советской власти братья Петровы и некий Марк» [7, л. 3-4].

Особое внимание в этом документе обращалось на факты преступлений коллаборационистов против мирного населения. Хотя это официальная бумага, они подавались очень эмоционально: «На основе имеющихся материалов установлено, что немецко-фашистские бандиты применяют самые гнусные методы и приёмы для воздействия на население, стремясь всё время держать его в страхе, в полном и беспрекословном повиновении» [7, л. 4].

В 1941 году в качестве потенциальных союзников гитлеровцев назывались кулаки, уголовники и «всякий иной антисоветский элемент». Именно они в «самых широких размерах применяли зверские расправы» для запугивания населения.

Для названия гитлеровских пособников советские пропагандисты использовали негативную лексику, которой пользовались до войны. Иногда она по смыслу не совсем соответствовала смыслу используемого термина: «Так в деревне Влонное Демидовского района Смоленской области немцы объявили своим представителям провокатора Кожемякина Егора и угрожают населению, что если его кто-либо тронет, то будет сожжена вся деревня и население, проживающее в ней.

По указке этого мерзавца в деревне Ополье были растерзаны фашистами 55 коммунистов и сожжены 6 домов» [7, л. 9].

Понятно, что Егор Кожемякин изменник и предатель, но непонятно: в чем же заключалась его провокация? В качестве потенциальных противников Советской власти в этом документе назывались бывшие кулаки, репрессированные советской властью, дезертиры из Красной армии, уголовники, а также представители интеллигенции: «Большие права немцы предоставили назначенным ими деревенским старостам. По приказу немцев староста имеет право применять телесные наказания.

Из этого документа также следовало, что в деревне Марково немцами была организована «банда из кулаков и дезертиров» для борьбы с партизанами. «Руководитель банды Смирнов Александр Яковлевич, сын кулака, дезертир. Выявлено 13 человек — участников банды. Все они — бывшие единоличники» [7, л. 10].

В Сергеевском сельсовете из дезертиров-единоличников был создан специальный отряд во главе с единоличником Кудрявцевым, которого немцы вооружили и предоставили ему неограниченные права по расправе с населением.

Наряду с использованием кулацких уголовных элементов в городе Смоленске на службе у фашистских оккупантов оказались некоторые лица из интеллигенции, которые раньше клялись в верности советской власти.

Очень часто все эти сельские старосты, писари, агрономы, переводчики и полицейские, активно работавшие на гитлеровцев, не просто выполняли приказы, а в своих издевательствах над мирным населением, многочисленных поборках и реквизициях превосходили своих немецких хозяев.

Кроме натуральной оплаты (продовольственного пайка), старосты и полицейские получали деньги. Это были советские денежные знаки, захваченные гитлеровцами в качестве трофея в начальный период войны. В среднем выходило 300—450 руб. в месяц для старосты, 200—300 руб. для писаря [7, л. 35об.].

Понятно, что в условиях натурализации товаро-денежных отношений на оккупированной территории денежные знаки не играли существенной роли. Гораздо важнее для старост и полицейских был сам факт власти, который позволял им получать различные материальные блага, жить гораздо обеспеченнее своих соседей. Хотя за это им зачастую приходилось расплачиваться как собственной жизнью, так и жизнями своих ближайших родственников.

Территория волости обычно была схожа с территорией бывших советских сельсоветов. Волостной старшина имел специальную печать, полученную от оккупантов. Все работы, которые ему поручали немцы, он проводил через сельских старост и начальника полиции.

Представители советского сопротивления отмечали: «Очень большое значение имеет волостной писарь, который частенько через голову старшины вершит свои дела в волости» [7, л. 35об.]. Именно самый маленький чиновник местного уровня, писарь, за взятку или из патриотических соображений мог предоставить партизанам или подпольщикам необходимые им документы или бланки.

На должность волостного старшины гитлеровцы предпочитали назначать людей не просто верных им, а специалистов, имевших определенный опыт работы с людьми или какой-либо техникой. Среди них могли быть агрономы, инженеры, председатели сельских советов, сельские учителя, хорошо знающих свой район. Так же для оккупантов было важно, чтобы все они смогли доказать факт того, что у них имелись конфликты с Советской властью.

Одним из самых серьезных документов, который рассматривался представителями немецких оккупационных служб при устройстве русского на работу, была справка об освобождении его из мест заключения.

С весны 1942 г., когда гитлеровцы остро почувствовали нехватку войск, особенно для охраны собственного тыла от налетов партизан, они приступили к еще более активному вовлечению в добровольческие части и подразделения советских граждан различных национальностей.

В 1942 году на Северо-Западе России гитлеровцы провели ряд крупных карательных экспедиций против партизан, сжигая на своем пути деревни и зверски расправляясь с мирным населением. Следует отметить, что военные преступления совершали не только немцы. Среди них были латыши, а также украинцы и русские, добровольно вступившие в карательные батальоны СС. В конечном счете, советским партизанам не удалось отстоять Ленинградский партизанский край. Но это не уменьшило боевой деятельности сил антифашистского Сопротивления [8].

С первого дня оккупации немцы требовали от мирного населения выдавать коммунистов, комсомольцев, партизан, всех сочувствующих советской власти. Во всех населенных пунктах были вывешены приказы немецкого командования. В них указывалось, что лица, укрывающие партизан или содействующие им и частям Красной Армии, а равно противодействующие немецким оккупантам, будут повешены или расстреляны [9].

В этом гитлеровцам всемерно помогала коллаборационистская «русская полиция». Для большего доверия в некоторых районах она даже была переименована в «народную милицию». Вот как формулировались задачи, возложенные немецким командованием на данный орган: на аппарат немецкого порядка, который именовался «народной милицией», немецкое командование возлагало задачу охраны порядка, установленного немцами на оккупированной территории. Эту задачу милиция в городах и селах выполняла при охране населенных пунктов, проверке документов у всех проходящих через населенные пункты, охрану всевозможных учреждений и объектов, сооружений и лесов.

Кроме того, задачей, поставленной перед «народной милицией», являлась самая активная борьба с ширящимся партизанским движением и растущим народным недовольством против немецких захватчиков. Эта задача выполнялась группами полицейских в тылу, а также специально созданными для борьбы с партизанами полицейскими формированиями в уездах и городах [7, л. 36].

Советское подполье регулярно сообщало на «Большую землю» о составе коллаборационистских вооруженных формирований, а также их руководителей: «По распоряжению начальника народной милиции кроме полицейских имеется отряд охраны. В городе Брянске имеется такой отряд охраны в составе 120 человек, он предназначен для борьбы с партизанами. Командует этим отрядом Покровский Владимир. При начальнике полиции Навлинского района имеются отряды по борьбе с партизанами. Начальником этих отрядов является некий Прошин» [7, л. 36].

Понятно, что полицейские наиболее активно выполняли ту работу, которая могла принести им реальную материальную выгоду. В Центральном штабе партизанского движения особо отмечалось, что «на народную милицию возлагаются все задачи по проведению в жизнь всех приказов и распоряжений немецкого командования, которые она проводит очень рьяно, порою даже с большим усердием, чем немецкие солдаты.

Полиция контролирует налоговый режим, установленный немцами, причем особенно выгодной полицейские считают торговлю на рынках и контроль над торговлей, которая приносит большой доход.

Особенно выгодной полицейские считают торговлю на рынках и контроль над торговлей, которая приносит большой доход, ибо здесь они могут использовать всевозможные вымогателства по отношению населения, выносящего свои товары на базар.

На «народную милицию» возлагалась и борьба с советскими парашютистами, которая велась на основе специальной инструкции. В их функции также входило осуществление прописки населения, его полный учет и контроль [7, л. 36об.].

Центральный штаб партизанского движения признал, что полицейские вооруженные формирования являются для сил Сопротивления весьма существенной проблемой, которая «чрезвычайно затруднило боевую деятельность партизан». При этом «эта так называемая народная милиция по своему составу очень разношерстна и малоустойчива» [7, л. 36об.].

Следует признать, что активность коллаборационистов была в немалой степени связана с успехами или неудачами Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны. По мере активизации всенародной борьбы в тылу врага и побед РККА личный состав русской полиции и вооруженных формирований оказался в значительной степени расколот. Часть из них с оружием в руках перешла на сторону партизан, убеждённые же противники советской власти вошли в состав Русской освободительной армии генерала Власова, а затем попытались найти убежище на Западе.

Большую актуальность, особенно в переживаемое нами время, имеет полное выявление всех причин, побудивших наших соотечественников отречься от собственного народа и пойти на услужение врагу в самое сложное для нашей страны время.

1. Швердалкин П.Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959. 307 с.
2. Виноградов И.В. Дорога через фронт: Записки партизана. Л., 1964. 367 с.
3. Карицкий К.Д. Ленинградские партизаны. Л., 1962. 96 с.
4. Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. М., 1983. 302 с.
5. Сергунин И.И. Давали клятву партизаны. Л., 1985. 382 с.
6. Петров Ю.П. Партизанское движение на территории Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1973. 454 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911.
8. Старинов И.Г. История партизанского движения. М., 2005. С. 264.
9. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. М., 2004. С. 69.

References

1. Sheverdalkin P.R. Geroicheskaya bor'ba leningradskikh partisan [The heroic struggle of the Leningrad partisans]. Leningrad, 1959. 307 p.
2. Vinogradov I.V. Doroga cherez front: Zapiski partizana [The front-line road: Notes of a partisan]. Leningrad, 1964. 367 p.
3. Karitskiy K.D. Leningradskie partizany [Leningrad partisans]. Leningrad, 1962. 96 p.
4. Asmolov A.N. Front v tylu vermakhta [Front in the rear of the Wehrmacht]. Moscow, 1983. 302 p.
5. Sergunin I.I. Davali klyatvu partizany [Partisans swore the oath]. Leningrad, 1985. 382 p.
6. Petrov Yu.P. Partizanskoe dvizhenie na territorii Leningradskoy oblasti. 1941—1944 [Partisan movement on the territory of the Leningrad region]. Leningrad, 1973. 454 p.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 69. Inventory list 1. File 911.
8. Starinov I.G. Istoriya partizanskogo dvizheniya [History of the partisan movement]. Moscow, 2005, p. 264.
9. Kovalev B.N. Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii [Nazi occupation and collaboration in Russia]. Moscow, 2004, p. 69.

Kulik S.V. Voluntary and forced collaboration of Soviet citizens with Nazi occupiers. After the end of the Great Patriotic War, people who lived in the territory temporarily occupied by the enemy were forced to respond positively to the question of the enquiry about this discrediting fact. Not all of them were members of partisan detachments. At the same time, it should be recognized that the vast majority of them were not subjected to criminal prosecution. This means that bodies of the Soviet government realized that those citizens had no other opportunity to survive. However, some of Soviet citizens opt to collaborate with the enemy. They held various positions in the collaborationist administration, became village elders and policemen. The Soviet Resistance deservedly considered them enemies and waged a relentless fight against them.

Keywords: Great Patriotic War, Nazi occupation regime, collaborationism, village elders, policemen, guerilla movement.

Сведения об авторе. Сергей Владимирович Кулик — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета, научный сотрудник Института истории обороны и блокады Ленинграда; ORCID: 0000-0002-4093-5236; kulik54@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Кулик С.В. Добровольное и вынужденное сотрудничество граждан нашей страны с нацистскими оккупантами // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 313-316. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).313-316

For citation: Kulik S.V. Voluntary and forced collaboration of Soviet citizens with Nazi occupiers. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 313-316. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).313-316